

Мужчина обладал резкими, холодными чертами лица — типичный представитель элиты высшего общества. На нем был дорогой черный костюм, а галстук, который прежде наверняка был затянут по всем правилам приличия, теперь небрежно свисал на шее, выдавая недавнее волнение владельца.

Сделав пару шагов, он почувствовал, что наступил на что-то. Посмотрев вниз, он увидел брошенную прямо на пол школьную форму, перепачканную грязью, к которой прилипли сухие травинки.

Мужчина с нескрываемым отвращением отпихнул одежду в сторону.

— Семья тратит баснословные деньги, чтобы отправить тебя в лучшую академию столицы, а ты только и делаешь, что ввязываешься в драки. Ты позоришь фамилию Сан. Если не хочешь учиться — выметайся!

«Семья?»

Сан Цзюци медленно обернулся к нему, и металлический жетон на его груди издал резкий лязг.

При виде этой железки мужчина на мгновение замер, но следом его гнев вспыхнул с новой силой. Голос стал пронзительным и полным желчи:

— Сан Цзюци, ладно бы ты забросил учебу, но теперь ты еще и подался в цепные псы?! У тебя хоть капля гордости осталась?

Крик был настолько громким, что на него сбежались остальные обитатели дома. Раздался топот по коридору, и вскоре в дверях показались еще двое.

Это была супружеская пара лет сорока. Мужчина, склонный к легкой полноте, всё еще сохранял черты былой привлекательности. Женщина же выглядела изысканно и статно; её стройную фигуру подчеркивало облегающее винтажное ципао.

Оба замерли, уставившись на Сан Цзюци. Увидев жетон на шее сына, мать в ужасе прижала ладони к вискам, едва не лишившись чувств, и поспешно оперлась о дверной косяк.

— За что мне всё это... Цзюци, деточка, послушайся меня. Немедленноними эту дрянь!

Мать еще пыталась говорить мягко, но отец уже решительно шагнул в комнату. Он навис над Сан Цзюци, замахнувшись своей широкой ладонью для удара. Мать лишь отвела взгляд, не

пытаясь его остановить.

— Этот жетон на меня надел Ли Юань, — ровным голосом произнес Сан Цзюци. — В него встроено клеймо укрощения зверя. Я не могу снять его сам. Может, вы попробуете?

Стоило ему договорить, как в комнате воцарилась гробовая тишина. Все трое застыли на месте, словно пораженные заклятием окаменения. Даже Сан Сюйнин, всегда отличавшийся высокомерием, поперхнулся словами и не нашелся что ответить.

Имена семьи Ли и самого Ли Юаня подействовали на них как удар обухом по голове.

[Хозяин, власть семьи Ли действительно безгранична. Они боятся даже их имен. Кажется, их авторитет в этом мире выше, чем у самого Императора,] — подала голос Ф001.

«Помнишь тех двоих в военной форме, что появились сегодня в псарне? Они возникли из ниоткуда. Любой из них мог бы вырезать эту семейку и не поморщиться. Конечно, они в ужасе. Сейчас, когда человечество на грани вымирания, у королевской семьи всего три миллиона солдат, в то время как у наемников Ли — шесть миллионов. Они повсюду, и они в любой момент готовы вцепиться империи в горло».

[Сюжет этого мира невероятно щедр к Сан Сяоиню. Смотрите сами: Ли Юань — влиятельный покровитель, Чжоу Гуань — мудрый наставник, а Сан Сюйнин — кошелек на ножках.]

«Каким бы богатым или мудрым ты ни был, тебе не сравниться с тем, в чьих руках реальная сила. Вот почему Ли Юань — главный фаворит, а эти двое — лишь наложницы, которым не суждено увидеть свет».

[...Ну, «наложницы»... Хм, это сравнение кажется вполне уместным.]

Сан Цзюци поднялся и вежливо пододвинул стул к отцу, чья рука так и застыла в воздухе.

— Присаживайтесь, отец.

Он спокойно поднял с пола свою форму, бросил её в корзину для белья и лишь после этого повернулся к Сан Сюйнину:

— Ты гонишь меня из дома? По какому праву?

Сюйнин нервно поправил галстук.

— Я предупреждал тебя сотни раз: не смей обижать Сяоиня в академии.

Ли Юань сообщил им, что Сяоинь упал в обморок, и они в панике бросились в госпиталь, чтобы забрать его. На вопрос о причинах тот лишь сухо бросил, что во всем виноват Сан Цзюци. Суюнин давно знал о неприязни младшего брата к Сяоиню, но не мог представить, что тот пойдет так далеко.

В глазах Сан Суюнина Сан Цзюци был невежественным, озлобленным подменным, который за два года так и не смог смириться с существованием Сяоиня. И если оставить его здесь еще на год, Сяоинь может просто не выжить.

Сан Цзюци рассмеялся, точно услышал удачную шутку, и потрянул жетоном.

— Я в таком положении, и ты серьезно думаешь, что это я обижаю Сан Сяоиня? Вы все в один голос твердите, какой я монстр, и жаждете справедливости для него. Но хоть кто-нибудь из вас замолвил слово за меня?

Он сделал шаг вперед, его взгляд стал жестким.

— Он упал в обморок, а на меня нацепили ошейник. И вы, даже не пытаясь разобраться, пришли меня унижать. Хоть кто-то спросил, что произошло на самом деле? В вашем подсознании я — всегда корень зла.

— В академии мой стол исписан мерзостями. Сегодня Ли Юань притащил меня из класса в спортзал, — Сан Цзюци задрал край алого худи, обнажая кожу, покрытую синяками и багровыми кровоподтеками. — Меня били. Меня обливали ледяной водой ведро за ведром. На меня нацепили этот позорный жетон, заставляли лаять и швырнули в клетку к охотничьим псам. А ваш «милый» Сан Сяоинь сидел в объятиях Ли Юаня и молча наблюдал за этим, не проронив ни звука.

Он обвел присутствующих презрительным взглядом.

— Так кто же здесь жертва? Сяоинь испугался псов Ли Юаня и лишился чувств, и вы бежите ко мне требовать ответа. Он — всего лишь подменный, а я — ваш родной сын. Почему вы не защищаете меня? Потому что я вернулся слишком поздно? Потому что я невежественен? Или потому, что я пришел к вам напрямую с помойки?

— Если бы нас не подменили, это меня бы вы холили и лелеяли все эти годы. Но теперь вор занял мое место в доме, а я в собственной семье стал чужаком.

Мать Сан закусила губу, пристыженно опустив голову. Отец выглядел не менее жалко: он бессильно опустился на стул.

— Ли Юань слишком могущественен, Сяоинь просто побоялся перечить ему, — продолжал упорствовать Суюнин. — И кто тебя считает чужим? С первого дня твоего возвращения у тебя

было всё. Сяоинь не виноват в том, что случилось в колыбели, он такой же невинный пострадавший. Он всегда старался для тебя, даже просил директора перевести тебя в класс А.

Сан Цзюци холодно усмехнулся:

— Не виноват в колыбели? Но сейчас-то он не младенец. Всё, что у него есть, по праву принадлежит мне. С какой стати он строит из себя благодетеля, принимая настоящего хозяина как незваного гостя? Он вышвырнул кого-то другого, чтобы впихнуть меня в класс А, сделав мишенью для всей школы. Вы правда верите, что он сделал это из доброты?

Сюйнин нахмурился, его голос так и сочился неприязнью:

— Меришь всех по своей испорченности. Он столько для тебя сделал, а ты видишь в этом лишь корысть. Ты слишком мрачный человек. Даже если последствия вышли боком, он действовал из лучших побуждений.

Сан Цзюци рассмеялся от ярости.

— Закрой рот, Сан Сюйнин. В этом доме кто угодно может меня судить, но только не ты. Ты хочешь, чтобы я ушел? Думаешь, я мечтаю остаться в этом месте, носить эти тряпки и ходить в вашу школу?

— Раньше я был здоров и мог прокормить себя сам. Весь мир был моим домом, и я был счастлив. Но из-за тебя я стал калекой. Если бы я не отдал тебе свою почку, я бы до сих пор был полон сил, а не валялся с лихорадкой через день. С моим нынешним здоровьем я загнусь на улице за трое суток. Куда мне идти?

— Кто угодно может выставить меня за дверь, но только не ты. Я твой спаситель. Без меня ты бы сдох еще в прошлом году, и некому было бы сейчас открывать рот. Если бы я был таким расчетливым и злым, как ты малюешь, я бы просто оставил тебя умирать. Тогда в роду Сан остался бы только один наследник — я.

— Рождаемость в галактике падает, и двое детей в семье — предмет всеобщей зависти. Пока ты жив, во мне сомневаются. Но представь, что бы было, останься я единственным продолжением рода. Родители бы на коленях ползали, умоляя меня остаться, а твой драгоценный Сяоинь был бы выброшен на помойку за ненадобностью. Так что я спас не только тебя, но и твоего любимого «братца».

Сан Цзюци внезапно улыбнулся.

— Знаешь, Сюйнин, если называть вещи своими именами, я — твой второй отец. Подарил тебе жизнь заново. Так что, по совести, ты должен называть меня папой.

Лицо Сюйнина пошло пятнами, мать тоже выглядела так, будто её ударили. Но тяжелее всех пришлось отцу Сан. Он сидел рядом и, слыша эти дерзкие речи, побагровел от ярости и стыда. Его отчитали как мальчишку в собственном доме, и каждое слово сына жгло лицо, точно пощечина.

Он хотел приструнить Цзюци, но понимал: у него нет на это морального права. За все годы он не дал сыну ни капли любви, а когда тот вернулся — первым же делом лишил его жизненно важного органа. Совесть сковала его по рукам и ногам.

Сан Цзюци бросил последнюю фразу:

— И еще одно, Сюйнин. С этого дня лучше не переходи мне дорогу. Как я позволил вшить эту почку в твое тело, так же легко я смогу её и забрать. Не веришь — проверь. Если так хочешь сдохнуть, просто скажи об этом заранее.

Сюйнин почернел от злости. Он уже открыл рот, чтобы огрызнуться, но отец с силой ударил по подлокотнику стула и вскочил:

— Сюйнин, замолчи! Как у тебя язык поворачивается... А ну, пошел вон отсюда! Немедленно!

Ему только не хватало, чтобы Цзюци и впрямь заставил брата называть себя отцом. Куда тогда ему девать свои седины?!

Сюйнин смерил Сан Цзюци яростным взглядом, но, не решившись перечесть отцу, стремительно вышел из комнаты.

Мать, пряча глаза, посмотрела сначала на жетон сына, затем на разгневанного мужа. Тяжело вздохнув, она прошептала: «Пойду помогу с ужином, спускайтесь, когда будет готово», и тоже покинула спальню.

В комнате остались только двое. Отец помялся и неловко произнес:

— Подойди сюда.

Сан Цзюци смерил его холодным взглядом:

— Зачем?

Отец замялся, подбирая слова.

— Я... я просто хочу посмотреть, что с этим жетоном.

Сан Цзюци на мгновение замер, но всё же подошел. Отец был чуть ниже сына — в Сан Цзюци было около ста восьмидесяти сантиметров, а в отце — не больше ста семидесяти пяти.

Мужчина долго изучал цепь, пытаясь влить в механизм немного своей духовной силы. Однако его энергия исчезала в металле, как в бездонном колодце, не давая никакого результата.

Сан Цзюци внимательно наблюдал за этим немолодым человеком. Судя по его движениям и сосредоточенному взгляду, он действительно искренне хотел помочь. Это удивило юношу.

— Вы правда хотите его снять? — с недоумением спросил он, склонив голову набок.

— Нельзя же тебе так ходить, — пробормотал отец, не отрываясь от работы. — Позорище какое... Да и на душе у тебя, небось, кошки скребут.

— Но его надел Ли Юань. Вы не боитесь его?

— Боюсь, — честно признался отец, вздохнув. — Конечно, боюсь. Но ты мой сын. Если сына обижают, отец должен что-то сделать. Проклятье... У меня не хватает сил, я не могу его вскрыть.

— Ли Юань — обладатель ранга А, — сухо заметил Сан Цзюци.

Отец в унынии опустил руки.

— Теперь понятно. Я сам только на уровне А, а Ли Юань достиг его еще до совершеннолетия. Великое будущее, ничего не скажешь... истинная кровь генерала Ли. Но ты не переживай, я что-нибудь придумаю.

Сан Цзюци усмехнулся:

— Сяоинь так близок с ним. Неужели он никогда не упоминал об уровне его силы?

Лицо отца дернулось.

— К чему ему такие разговоры... И не поминай больше Сяоиня. Вы оба мои дети, и мне одинаково больно за каждого. Если бы ты раньше рассказал мне о том, что происходит в академии... Если Сяоинь действительно виноват, я не стану его выгораживать.

Сан Цзюци коснулся жетона:

— Директор Чжоу Гуань сказал, что вскрыть его под силу только укротителю ранга S.

Отец на мгновение замер.

— Понятно... Что ж, мы найдем способ. Не волнуйся.

Он хотел добавить что-то еще, но в этот момент из соседней комнаты раздался пронзительный крик. Лицо отца мгновенно изменилось, и он пулей вылетел из спальни, бросившись на шум.

Взгляд Сан Цзюци потемнел. Поправив ошейник, он неспешно последовал за ним.

Покои Сан Сяоиня были гораздо просторнее его собственных. Помимо огромной гардеробной, здесь был выделен целый угол под коллекцию моделей мех и редких фигурок.

Сяоинь, бледный как полотно, забился в объятия Сюйнина; его глаза были расширены от ужаса. Родители уже были там, наперебой пытаясь успокоить любимца. Тот лишь всхлипывал, бессвязно повторяя: «псы», «спасите», «смерть».

Сюйнин с нежностью гладил его по спине, шепча слова утешения. Постепенно Сяоинь начал приходить в себя, осознавая, что он дома, в безопасности.

Но тут на пороге появился Сан Цзюци.

Сяоинь снова зашелся в крике. Он спрятал голову на груди Сан Сюйнина, мелко дрожа, и в ужасе указал пальцем на вошедшего:

— Уйди! Уйди! Брат, спаси меня, умоляю!

Сюйнин ожёг Сан Цзюци яростным взглядом и крепче прижал к себе Сяоиня.

— Тише, маленький, тише. Здесь тебя никто не тронет. Расскажи мне, что случилось.

Сяоинь, опасливо косясь на Сан Цзюци, прошептал:

— Ли Юань обидел его, и он... он решил отыграться на мне. Он совсем обезумел! Он выпустил псов Ли Юаня, чтобы они разорвали меня! Брат, у того кобеля была такая пасть... он мог откусить мне голову одним махом! Он был прямо перед моим лицом... Мне так страшно!

На щеке юноши виднелось несколько пятен засохшей крови — молчаливое свидетельство пережитого ужаса.

Видя своего любимца в таком состоянии, Сюйнин готов был убить Сан Цзюци на месте.

— Я всегда знал, что ты гнилой человек, — прошипел он, и в его глазах читалась неприкрытая жажда расправы. — Мало того что ты подл, так ты еще и смеешь клеветать на Сяоиня!

Сан Цзюци, прислонившись к косяку, скрестил руки на груди, молча наблюдая за этим представлением. Его взгляд переместился на отца — того самого, что минуту назад обещал быть беспристрастным.

На лицах обоих родителей теперь читался гнев. Отец переводил взгляд с Сан Цзюци на Сяоиня и обратно, пока наконец не остановился на старшем сыне.

— Цзюци, я говорил, что вы мне оба дороги. Ты мой ребенок, но и Сяоинь тоже. Если бы он не очнулся и не рассказал правду, я бы и впрямь поверил твоей лжи. Немедленно извинись перед братом.

— Я понимаю, что все эти годы тебя никто не учил морали, но это не оправдание. Давай решим это здесь и сейчас: забудь про свою злобу. Мы — одна семья, и мы должны поддерживать друг друга.

[К черту такую семью! — не выдержала Ф001. — Хозяин только мой! Пусть сами с собаками родственничают!]

«Кхм...» — Сан Цзюци невольно коснулся своего жетона.

[Хозяин, я не это имела в виду!]

Юноша лениво очертил носком кроссовка круг на полу.

— Значит, вы верите Сяоиню, а не мне?

Сюйнин холодно фыркнул:

— Сяоинь никогда не лжет.

Сан Цзюци посмотрел на родителей. Те лишь синхронно кивнули. Мать добавила:

— Это правда. Сяоинь получил прекрасное воспитание. Мы с детства учили его, что ложь — это порок, и он никогда не давал нам повода в нем сомневаться.

Сан Цзюци замер, перестав чертить круги.

— Стало быть, в этой комнате лжец только один — тот, кто не получил «прекрасного

воспитания». И что будет, если я откажусь извиняться?

Отец только открыл рот, чтобы ответить, но Сяоинь снова вскрикнул:

— Брат, пожалуйста, давай уедем отсюда! Я не хочу его видеть, мне страшно находиться с ним под одной крышей!

Сюйнин помрачнел.

— Если кто и уедет, то не ты. С какой стати ты должен покидать свой дом?

Он поднял глаза на Сан Цзюци:

— Да, ты спас мне жизнь. Но если бы у меня был выбор, я бы никогда не принял твою грязную почку. Мне тошно от мысли, что во мне находится часть такого человека, как ты. Но я не хочу быть неблагодарным. Я найду тебе квартиру и буду ежемесячно перечислять содержание. Убирайся отсюда.

Сан Цзюци выпрямился и протянул руку:

— Сто миллионов Звёздных монет.

В комнате повисла тишина. Даже Сяоинь перестал всхлипывать и уставился на него в недоумении.

— Сто миллионов? Зачем тебе столько? — процедил Сюйнин.

Сан Цзюци ткнул пальцем в область его поясницы:

— Мне не нужны ваши подачки и квартиры. С этого дня между мной и семьей Сан всё кончено. Мы чужие люди. Но эта почка — моя. И сто миллионов — это лишь арендная плата за пользование чужой собственностью.

Сюйнин презрительно усмехнулся:

— Сто миллионов? Ты слишком высокого мнения о себе. Твоя жизнь не стоит и десятой доли этой суммы.

Сан Цзюци снова небрежно прислонился к косяку, приняв вид заправского вымогателя.

— Моя жизнь, может, и гроша ломаного не стоит, а вот жизнь главы корпорации Сан — товар дорогой. Сто миллионов — это еще по-братски, со скидкой в пятьдесят процентов.

«Арендная плата... Ну и наглец. Решил до конца дней тянуть из меня жилы».

Сяоинь в его объятиях мелко задрожал. Сюйнин глубоко вдохнул, пытаясь сдержать ярость.

— Если я дам тебе эти деньги, ты исчезнешь из нашей жизни навсегда?

Сан Цзюци поднял три пальца в жесте клятвы:

— Разумеется. Честная сделка, без обмана.

Он быстро набрал несколько команд на своем наручном терминале. В ту же секунду в голове Сан Цзюци раздался голос Системы:

[Хозяин, сто миллионов Звёздных монет поступили на ваш счет.]

Сан Цзюци развернулся и пошел прочь. Сюйнин хотел бросить ему вслед что-то едкое, но юноша уже скрылся в коридоре.

Через пару шагов Сан Цзюци остановился и, словно вспомнив о чем-то важном, обернулся.

— Как я и сказал, это лишь аренда. Дружеское напоминание: срок договора начался год назад, с момента операции, и истекает ровно через три месяца. Через три месяца я приду за своей почкой. Советую тебе поскорее найти замену. А если не найдешь — поторопись составить завещание. Прощайте.

Сан Цзюци собрал свои немногочисленные пожитки. У него почти ничего не было: пара сменных вещей и странная светящаяся сфера. Старую одежду из приюта прислуга давно выбросила, так что единственным напоминанием о прошлом остался этот небольшой шар.

Он покрутил его в руках. Сфера размером с ладонь излучала мягкий, теплый лазурный свет. Изначальный владелец нашел её на свалке; она показалась ему красивой, и он оставил её себе.

«Ф001, что это?»

Система запустила сканирование.

[Дзинь! Начинаю проверку. Дзинь! Проверка завершена.]

[Результаты сканирования:]

[- Неопознанный источник энергии X1]

[- Атрибуты: неизвестны]

[- Уровень энергии: неизвестен]

[- Происхождение: неизвестно]

Сан Цзюци убрал шар в рюкзак.

«Четыре «неизвестно». Похоже, вещь действительно стоящая».

Спустя несколько минут Сан Сяоинь, стоя у окна на втором этаже, провожал взглядом удаляющееся такси.

Сюйнин нежно коснулся его плеча.

— Теперь ты доволен?

Сяоинь с удивлением посмотрел на брата и увидел в его глазах безграничную преданность.

Брат мягко улыбнулся:

— Не бойся. Что бы ты ни сделал, ты всегда будешь прав. Я всегда буду на твоей стороне.

Сяоинь отвел взгляд:

— Брат... когда ты понял, что я лгу?

Он легонько ущипнул Сяоиня за покрасневшее ухо:

— В академии полно опасностей, я не мог оставить тебя без присмотра. Я приставил к тебе человека для защиты. Он всё видел и доложил мне.

Юноша побледнел.

— Ты следил за мной? Но я и Ли Юань...

Сюйнин прижал палец к его губам.

— У каждого бывает первая любовь, порой ошибочная. Не волнуйся, я ничего не скажу родителям. Тебе не нужно оправдываться. Просто знай: я всегда за тебя. Если ты пойдешь против всего мира, значит, этот мир неправ. И я стану врагом человечества ради тебя.

В нежном взгляде Сюйнина было столько тепла, что Сяоинь, всё еще чувствуя тревогу, спрятал лицо на его груди.

— Брат, через пять дней турнир мех. Я хочу взять отпуск, чтобы сосредоточиться на сборке. Говорят, Его Высочество прибудет на состязания, и я хочу произвести на него впечатление.

Глаза Сюйнина блеснули.

— Значит, ты не собираешься становиться мастером для Ли Юаня?

Сяоинь, не поднимая головы, пробормотал:

— Зачем мне он? Ты же знаешь, попасть в штат королевских конструкторов — моя мечта.

Старший сын Сан расплылся в улыбке.

— Хорошо. Завтра же улажу все вопросы с твоим отсутствием.

Сяоинь потерся щекой о его плечо.

— И еще... Брат, как быть с тем трехмесячным сроком, о котором говорил Сан Цзюци?

Он лишь презрительно хмыкнул.

— Срок? Он возомнил о себе невесть что. Думает, органы можно дарить и забирать по первому желанию? Его почка мне не особо нравится, но пока она работает исправно. Если через три месяца он явится за ней — просто дадим ему еще денег, и дело с концом.

Сяоинь капризно надул губы.

— Сто миллионов за год с лишним... Он слишком жадный.

Взгляд Сюйнина смягчился.

— Деньги — ничто по сравнению с возможностью избавиться от его вечных напоминаний о «спасении жизни». Сто миллионов — малая цена за то, чтобы видеть тебя каждый день без помех. А что до его планов тянуть из меня деньги вечно... Сомневаюсь, что он доживет до следующего платежа.

— Что ты имеешь в виду?

— Перед операцией врачи предупредили нас: у Сан Цзюци специфическое телосложение. После удаления почки ему осталось не больше трех лет. Родители тогда решили ничего ему не говорить.

Сяоинь в изумлении прикрыл рот ладонью.

— Так вот почему вы были к нему так снисходительны... Теперь понятно.

— Какой бы ни была наша милость, — отрезал Сюйнин, — она заканчивается там, где начинается угроза твоему спокойствию.

<http://bllate.org/book/15826/1435503>